

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Ноу-хау

палача

МОСКВА

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Ноу-хау палача / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-098416-9

В городском парке с интервалом в несколько дней обнаружены трупы двух молодых девушек. Причина их смерти — искусственно вызванная патология сердца. Полковники МВД Гуров и Крячко предполагают, что имеют дело с намеренным убийством. Но кто мог совершить такое изощренное преступление? Сыщики изучают окружение погибших и выходят на медицинский центр, подпольно занимающийся исследованием редких сердечных болезней. Гуров начинает знакомиться с его деятельностью и приходит к страшному выводу: убитые девушки — не последние жертвы кровавой серии...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098416-9

© Макеев А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ГЛАВА 1

Отделение судебно-медицинской экспертизы на «Кантемировке» окутала тишина. Длинный, точно вытянутая кишка, коридор, подсвеченный тусклым светом дежурного освещения, пустовал. Многочисленные двери, выходящие в продолговатую кишку, держали закрытыми. Простоватые пластиковые таблички указывали на особое предназначение скрытых за ними помещений. Помещение для приема трупов, холодильная камера, комната для одевания, помещение для хранения органов и тканей, шкафы-хранилища личных вещей, гистологическая лаборатория, судебно-химическая лаборатория, траурный зал выдачи тел. Десятки комнат, и у каждой своя функция.

Единственная дверь, со скромной надписью «Секционная», оставалась слегка приоткрытой, и из нее сочился холодный люминесцентный свет. Хозяин помещения явно не боялся оказаться потревоженным. ■

Будучи представителем довольно экзотической профессии, он не превратился с годами в мизантропа. Напротив, чем становился старше, тем сильнее ценил дружеское общение и тем активнее вовлекал в это самое общение давних друзей и приятелей. Это была первая причина, по которой он не беспокоился о том, что его могут потревожить.

Второй причиной являлось само помещение. Вернее, то, для чего его использовали. Безобидное название «секционная» на профессиональном жаргоне судмедэкспертов звучало как «разделочная», и разделяли в ней отнюдь не птицу и даже не крупный рогатый скот. Здесь происходило вскрытие трупов. Не установили личность? Добро пожаловать в «секционную». Познакомились с огнестрельным оружием или схлопотали топор в голову? Вам туда же. Есть сомнения в естественности причин смерти? Без знакомства с «разделочной» вам не обойтись. Самим трупам, разумеется, от названия и назначения комнаты ни холодно ни жарко, на то они и трупы. А вот обывателю в эту часть здания лучше не забредать. Вид «секционной» неизменно наводит ужас на случайных посетите-

лей. Кафельная плитка на полу и стенах отливает синим, заставляя кожу покрываться мурашками. В центре, под огромной регулируемой лампой, какие обычно используют в операционных, расположен стол из нержавеющей стали. Стол этот особый: с бортами, желобками — и установлен под уклоном. Угрожающего вида раковина с бытовым краном и стоком для крови. Каталки из той же нержавеющей стали, расставленные вдоль стены. Набор инструментов из тридцати трех предметов разложен на двухуровневом передвижном столе. На один этот стол посмотришь, и в памяти тут же всплывают кадры из фильмов о Франкенштейне. Долото шестигранное, зонды хирургические, щипцы костные, нож хрящевой, и это далеко не полный список. Одних ножниц пять видов для различных нужд.

Вот почему открытая дверь никоим образом не могла помешать уединению хозяина «секционной» или отразиться на его работе. Впрочем, в эти предутренние часы пообщаться с судебным-медицинским экспертом Сергеем Юрковым, патологоанатомом Царицынского морга, желающих не было. Тело умершего, ожидающее начала процедуры вскрытия, не в счет: у

подопечных Юркова уже не было и не могло быть ни стремлений, ни желаний.

К работе своей Юрков старался относиться философски. За тридцать пять лет он насмотрелся всякого. Смерть уже не шокировала его, не заставляла скорбеть, не вызывала чувства безысходности. Она попросту потеряла в его глазах свое первоначальное значение. Такой подход к жизни и смерти давал Юркову возможность приходить домой после долгого рабочего дня и получать удовольствие от простых человеческих радостей: чашки горячего чая, спортивных передач и очередной статьи в ежемесячном журнале «Судебная медицина».

Но иногда философская установка давала сбой. Работа задавала сложную задачку или же жестокость случая, произошедшего с подопечным, зашкаливала, неважно. Просто наступал день, когда абстрагироваться от ситуации уже не удавалось, и тогда проблемы покойника становились вовсе не его проблемами. Они становились проблемами Сергея Юркова, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вторая неделя июня радовала москвичей теплом и распутившейся зеленыю. Ожидание выходных, увеличенных благодаря

грядущему всероссийскому празднику, создавало в городе особую атмосферу. Юркову же это обстоятельство добавляло массу дополнительных проблем. Все государственные структуры получили официальное «добро» на четыре дня безделья. Увы, к Царицынскому моргу это не относилось, график работы судмедэкспертов предстоящие выходные не затронули. Более того, спеша уладить все спорные вопросы и неотложные дела, сотрудники полиции шести административных округов Москвы, а также их коллеги из управления полиции метрополитена, линейных подразделений вокзалов и железнодорожных станций непрерывным потоком потекли к станции метро «Кантемировская», чтобы успеть до праздников «выбить» из судебных медиков срочные и несрочные отчеты о вскрытиях лежалых и свежих трупов.

Утро вторника для Юркова и его коллег ничем не отличалось от любого другого, но ближе к двум часам пополудни напряг со срочными и суперсрочными делами уже начал сказываться. В восемь вечера все «секционные» еще работали на полную катушку. К полуночи дорабатывали лишь самые стойкие, а к утренней заре в морге

остались лишь трупы и Сергей Юрков, на которого, зная его покладистый характер, сбросили свои дела более молодые и семейные коллеги.

В свои шестьдесят три Юрков выглядел, да и чувствовал себя прекрасно. Высокий рост, вьющиеся волосы цвета воронова крыла, слегка посеребренные сединой, изумрудные глаза, волевой подбородок, греческий профиль и весьма незаурядная мускулатура — все это заставляло женские сердца сжиматься и замирать в груди всякий раз, как Юрков появлялся в обществе. Сам он женского общества сторонился, по большей части как раз из-за своей внешности, вернее, из-за того, какой эффект она оказывала на слабый пол. Главную и единственную любовь своей жизни, супругу Екатерину, Юрков похоронил восемь лет назад и с тех пор жил вдовцом, находя ввиду отсутствия детей утешение в работе.

Он отработал почти двадцать часов, когда «труповозка» доставила нового подопечного. Оформил труп ворчун Мироныч, санитар из приемного отделения. Он же получил на руки документы, включая постановление о разрешении на вскрытие от следственных органов и скромненькую припи-

сочку от лица начальника районного ОВД «Марьинский парк», сообщающую о перво-степенной важности переданного дела.

От непрерывной многочасовой работы Юрков чувствовал усталость во всех мышцах и собирался отложить осмотр трупа до утра. Угрызений совести это решение у него не вызвало, так как дневную норму он успел выполнить и даже перевыполнить, а начальник ОВД может передавать сколько угодно писулек о важности и срочности. У них всегда все срочно.

Юрков бегло просмотрел бумаги: молодая женщина, личность не установлена, найдена в парковой зоне Марьино, открытая рана в затылочной части черепа. Ничего интересного. Сообщив Миронычу, что проведет вскрытие неизвестной на следующий день, он собрался уходить, но санитар принялся ворчать о том, как тяжела его работа и как надоело в одни руки тягать покойников из приемки к холодильникам. Пожалев его, Юрков вызвался помочь загрузить труп неизвестной в холодильную камеру. Лучше бы он этого не делал! Лучше бы, поддавшись первому порыву, отправился домой, к подушке, набитой бамбуковыми листьями, и к удобным тапочкам. ■

Но все сложилось так, как сложилось. Юрков вызвался помочь, Мироныч с радостью ухватился за это предложение, а дальше все случилось само собой.

Каталка с телом неизвестной стояла в коридоре напротив лифта. Юрков в ожидании остановился у дверей комнаты с холодильными камерами. Мощным толчком санитар послал каталку вперед, придав ей ускорение. Колеса, смазанные накануне кем-то из усердных сотрудников, в одно мгновение набрали скорость и покатали по мраморной плитке со скоростью тяжеловесного снаряда пушки времен Петра Великого. Не ожидавший от каталки такой прыти Мироныч растерянно следил за удаляющимся трупом. Воображение услужливо нарисовало картину: тележка врзается в дальнюю стену коридора, труп, точно ядро из катапульты, устремляется вперед, впечатывается в препятствие и вместе с штукатуркой и синей масляной краской оседает на пол. Тело испорчено, медицинская экспертиза сорвана, а начальник бюро судебно-медицинской экспертизы подписывает приказ об увольнении.

— Все, хана мне, — обреченно простонал санитар.

И в этот самый момент Сергей Юрков сделал шаг вбок, ловким движением ухватился за ручку пролетающей мимо каталки и дернул ее на себя. От резкой смены направления колеса каталки застопорило, дальний край повело в сторону и бросило на стену. Тонкая ткань одноразовой простыни взлетела вверх и скатилась на пол, открыв лицо неизвестной. Взгляд патологоанатома выхватил строгие черты лица в обрамлении копны рыжих волос. Юрков отшатнулся. «Катя! Моя Катя», — пронеслось в голове. Ощущение нереальности происходящего захватило целиком, заставив оцепенеть и тело, и мозг. На каталке лежала точная копия жены Юркова, такой, какой она была в свои тридцать лет.

— Серега, ты мой спаситель! — Облегченный вздох Мироныча раздался будто сквозь вату. — Я уж думал, кирдык покойнице, и мне заодно. Если бы не твоя реакция, искать бы мне с утра новую работу.

Юрков хотел отвести взгляд от лица женщины, хотел что-то ответить ему, хотел, чтобы наваждение прошло, исчезло, но оно не исчезало. Какой-то отдаленной частью мозга он понимал, что перед ним чужой, незнакомый человек, что эта женщи-

на не может быть той, с кем он долгие годы делил кров и постель, но сходство было настолько сильным, что эмоциональная часть сознания отказывалась подчиняться рациональной. Что с Юрковым что-то не так, Мироныч понял, лишь когда подошел к патологоанатому вплотную. Взглянув на его побледневшее лицо и остановившийся взгляд, санитар озабоченно спросил:

— Серега, с тобой все в порядке? — Тот никак не отреагировал. — Эй, дружище, ты как?

— Накрой ее. — Голос Юркова прозвучал вяло и как-то безжизненно.

— Что? Ты о покойнице? — Мироныч в недоумении перевел взгляд с безжизненного лица неопознанного трупа на не менее безжизненное лицо Юркова. — С ней что-то не так?

— Накрой, — повторил Юрков.

Спорить Мироныч не стал. В конце концов, патологоанатом спас его шкуру, остановив тележку, за это и его причуды потерпеть несложно. Хочет, чтобы даме вернули похоронный саван? Да пожалуйста! Подняв с пола бумажную простыню, Мироныч накинул ее девушке на лицо и, оглянувшись, спросил:

— Так пойдет?

Юрков не ответил, продолжая таращить-ся на труп.

— Ну что, поехали? — вздохнул санитар. — Загрузим в холодильник, и ты свободен.

— Нет! — резко оборвал его Юрков. — Вези ее в «секционную».

— Зачем? Ты же хотел пойти отдохнуть? — удивился Мироныч. — До начала новой смены часа четыре, а ты хочешь, чтобы я оставил ее в «разделке»? По-моему, не самая разумная идея. Посмертные изменения, и все такое...

— Я не собираюсь оставлять ее до утра. Я собираюсь заняться ею немедленно.

— Вот те на! — опешил Мироныч. — Минуту назад что говорил? Что ноги не держат, что домой спешишь, хоть пару-тройку часов на родном диване вздремнуть. А теперь снова в лямку впрягаешься? Не дури, Серега! Отправляйся домой, никуда твоя красавица от тебя не уйдет.

Он собрался было посмеяться собственной шутке, в стенах морга старой как мир, но выражение лица Юркова тут же отбило охоту шутить.